

Генрих Игитян

Рудольф Хачатрян

«От Овнатяна до Минаса», Тигран Мец, 2001

Перевод с армянского. Эпиграф Фазиля Искандера восстановлен по русскому оригиналу.

Он считает, что искусство — это любовь. Всё, на что упал любящий взгляд художника, превращается в драгоценность. Пчеле всё равно, откуда доставать нектар: из цветка крапивы или из розы. Пчеле — достать. Художнику — вложить. Тщательно прорисованная ворсинка тряпки превращается в место действия любви и потому приобретает важность.

Если выжать тряпку или классическую шаль, написанную художником, то ценность вещи определится количеством любви, которая из неё вытечет.

— ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

[315] Рудольф Хачатрян рисует на левкасе. Случай оказался для художника счастливым: однажды ему подарили загрунтованную доску, на которой он создал первый автопортрет. Прочность основы отвечала мечте художника найти материал, позволяющий создавать более весомые произведения, работать в большем масштабе и на протяжении более длительного времени.

Разумеется, дело не только в материале. Левкас не является новшеством; важно то, как он используется. Оказалось, что левкас - именно тот материал, к которому интуитивно стремился Хачатрян, вовсе не помышляя о механическом переносе техники исполнения с бумаги на доску. Творческие возможности расширились и позволили объединить множество элементов.

Художник обратился к любимым и привычным материалам - сангине и сепии. Левкас открыл перед графикой новые возможности. Его чистый, светозарно-белый грунт излучает свет и своим магнетическим сиянием придаёт художнику силы. Новый материал требовал кропотливого труда, большой самоотдачи, сосредоточенности и чувства ответственности, сообщая монументальному мышлению художника соответствующий масштаб.

Существует определённое правило: изображение заранее намечается, определяется композиция, группируются предметы, выполняются эскизы и этюды; иначе говоря, проводится большая подготовительная работа, и лишь затем художник приступает к решению конкретной задачи. На первый взгляд кажется, что Рудольф Хачатрян идёт каким-то парадоксальным путём. На чистой плоскости, без подготовки, он начинает рисовать глаза. Если вспомнить известное изречение «глаза - зеркало души», подобное начало изучения модели, вероятно, можно признать оправданным. Однако, признать, этот принцип каждый раз вызывает удивление. К нему трудно привыкнуть. Каждый раз ожидаешь неудачи, хотя знаешь, что её не будет. В процессе работы Хачатрян настолько точно предвидит нюансы, свет и акценты, что может закрепить лаком законченный участок и больше к нему не возвращаться. Завершив произведение, он не сожалеет, что чего-то не предусмотрел, где-то промахнулся или сделал не так. Важно, что на протяжении всех сеансов напряжение не ослабевает и только физическая усталость прерывает работу. Изучать

отдельную деталь, не теряя ощущения целого, - редчайшее свойство.

Творческий метод Рудольфа Хачатряна в известной мере необычен. [317] Как уже говорилось, независимо от размеров портрета он начинает с изображения глаз, а затем, без каких-либо предварительных набросков, переходит к деталям, которые волнуют его больше всего, не опасаясь, что в дальнейшем утратит связь между ними.

Даже опытный зритель недоумевает, как художнику удаётся предвидеть развитие композиции, особенно если учесть, что в течение долгих сеансов модель не сохраняет неизменной позы, а каждый участок тщательно прорабатывается и впоследствии не требует никаких исправлений или уточнений. Заранее определяются тончайшие переходы, акценты и решение света. Весь процесс завершается произведением настолько цельным, гармоничным и кристаллизированным, что кажется, будто всё создано волшебством - на одном дыхании.

Всё это свидетельствует об уникальном аналитическом методе, удивительной зрительной памяти и необычайной сосредоточенности. Метод художника соединяет свободу и строгость. Каждая линия проведена с волнением, переживанием и любовью. Модель становится участником, соавтором - человеком, который проживает весь процесс создания произведения, от первой линии до завершения. Художник погружается в самого себя и одновременно в модель. Он не просто работает, а живёт, и именно в этом творческом напряжении проявляются кульминационные моменты его жизни, смысл его существования. Вероятно, это и есть ощущение счастья. Даже хорошо зная изображаемого, художник пристально наблюдает его, беседует, изучает, ищет наиболее точное состояние, движение, позу, одежду, композицию. Лишь окончательно всё уточнив и закрепив в памяти, он начинает работать. Возникает удивительная, завораживающая, наэлектризованная атмосфера, редкостный контакт с моделью. И в этой атмосфере нет ничего лишнего, способного отвлечь внимание: ни воспоминаний, ни окружения; только художник, модель, левкас, сепия и... творческий дух. [318] Сеанс заряжает художник, наслаждающийся счастьем слияния с природой, сосредоточенный почти как загипнотизированный, с полной самоотдачей, словно сгорающий в работе. Затем приходят усталость, замкнутость, отстранение, пауза, психологическая подготовка к обращению к следующей модели.

От модели художник требует такой же самоотдачи, самозабвения и сосредоточенности. Поневоле модель становится единомышленником, на глазах которого постепенно совершается чудо, и осознаёт, что её участие в процессе работы действительно необходимо.

В произведениях Рудольфа Хачатряна осязаемость достигает предела. И главное здесь не техническое совершенство, которым он владеет с детства и которое, естественно, потрясает зрителя, а та духовная сущность, которая нередко остаётся за границами видимого.

Сила художника заставляет внимательно следить за движением графита по левкасу, замечая каждую точку, которой коснулась его рука. Изображение модели восхищает своей завершённостью; художник мгновенно сосредоточивает внимание зрителя, и изображённое воспринимается непосредственнее и многограннее, чем живая модель. Художник сводит собственное вмешательство к минимуму; кажется, будто у него нет никакого личного эмоционального отношения: совершенно свободно он всякий раз стремится войти в общение с моделью и без остатка слиться с ней. Подобную свободу может позволить себе лишь художник, обладающий глубоким жизненным опытом.

На лицах моделей трудно искать внешнюю экспрессию. Они живут своими внутренними, неуловимыми мыслями, словно не связанными с творческим процессом художника. Употребление слов «бессознательно», «подсознательно» здесь излишне, тем более что оба эти начала присутствуют в творческом процессе Хачатряна; и чем глубже художник погружается в собственную основу, тем больше может полагаться на внутреннее «самоуправление», ставшее органическим и неотделимым свойством его существа. Именно это сосредоточенное «самоуправление» позволяет художнику предельно концентрировать силы во время длительных сеансов.

Длительные творческие состояния приводят к тому, что на левкасе происходит непрерывное наложение характера изображаемого. Благодаря этому портрет не становится копией, а приобретает внутреннюю силу, передающуюся зрителю.

Лицу, застывшему в одном определённом выражении, едва ли можно сообщить глубину характера и запечатлеть индивидуальность.

Рудольф Хачатрян умеет достигать преображения модели, и образ волнует своей внутренней, самостоятельной жизнью, уже не зависящей ни от автора, ни от изображаемого. Время и пространство проникают в портрет без дополнительных пояснительных средств, отвлекающих внимание.

Как правило, чистый, ещё не тронутый рисунком фон каждого нового левкаса гармонирует и созвучен контурам, создавая неповторимое воздушное пространство, атмосферу и перспективу.

Сходство часто становится предметом обсуждения. Высказываются и мнения, что передавать характерные внешние черты изображаемого вовсе не обязательно. Для Хачатряна принципиально важно исчерпывающе познать модель и превратить это познание в повод для собственного «самовыражения». Старые мастера проникали не только в сущность материала и особенности человеческого характера, но и с величайшей тщательностью изучали характерные внешние черты, стремясь достичь сходства; нередко они были прямо обязаны делать это по требованию заказчика и ради сохранения чести своего ремесла. Именно поэтому мы верим правдивости классиков.

Иногда, ссылаясь на фотографию, мы забываем, что даже лучшего мастера фотографии от модели отделяет техника, способная увековечить лишь секунду, мгновение, но не способная проникнуть в сущность движения, передать вечность материи и внутренний мир.

Правдивость портретов Хачатряна не вызывает сомнений. Структурная завершённость для автора - плоть и кровь, духовная сущность. Художник стремится проникнуть в природу личности, исследовать её микро- и макромиры. Обобщение характера исходит из самой сущности модели. Художник словно при помощи рентгеновского луча [319] выявляет состояния, присущие данному характеру, подчёркивает особенности личности. Хачатрян не ограничивается изучением внешности изображаемого и не заводит по этому поводу упрощённого разговора со зрителем, делая вид, будто хочет представить нам некую особую черту модели, которую необходимо мгновенно уловить. Вовсе нет: он стремится увидеть человека в вечности или вечность в человеке - вдали от состояния данной секунды, от настроения и забот.

Хачатрян пришёл к жанру портрета через автопортрет. Это был его первый портрет, первая попытка познания: руками он ощупывал лицо, стараясь понять его форму, поскольку не имел представления об анатомии. Так тринадцатилетний мальчик приблизился к истокам портретного искусства.

«Каждый раз, когда иссякают силы и наступает кризис - уныние, творческая пауза, - я начинаю новый портрет. Возникает своего рода самоанализ и желание снова работать, желание ещё раз преодолеть самого себя. Автопортрет - своего рода трамплин для очередного прыжка. Первая работа на левкасе тоже началась с автопортрета».

На небольшой персональной выставке, открывшейся в Ереване, «Автопортрет» (1979) был последней работой, подводившей общий итог долгому пройденному пути, и одновременно знаменовал начало нового творческого периода.

Хачатрян многократно обращался к автопортрету, стремясь уединиться и сосредоточиться, однако, на мой взгляд, самым значительным, весомым и зрелым произведением является «Автопортрет», созданный в 1981 году. Можно с уверенностью сказать, что в нём художник создал произведение абсолютной художественной ценности. Умудрённый жизненным опытом человек словно обращается к нам, своим современникам, одновременно размышляя о будущем и всматриваясь в прошлое. Это произведение - исповедь, кредо. Лицо, выражающее сильную волю; пристальный, серьёзный взгляд; монументальность образа; дух и плоть - пугающе реальные и одновременно нереальные. [320] Атмосфера автопортрета совершенно самостоятельна - вне времени и пространства; особенно осязаема в нём многослойность душевного состояния. Напряжение долгих сеансов, пристальное изучение каждого штриха и тщательная проработка деталей всё более затруднялись из-за постепенно ухудшавшегося зрения художника. Однако зритель автопортрета никогда не ощущает напряжения труда, пота, муки творчества, порой доходящей до самоистязания.

Хачатрян несёт свой крест один, молча, в размышлениях, скрывая от нас страдание созидания.

На протяжении многих лет соприкасаясь с искусством Рудольфа Хачатряна, я часто задумывался, что является главной движущей силой художника. Мучительный труд, аскетический образ жизни, необъяснимая стойкость, бесконечное обновление и усложнение задач, которые он ставит перед собой. Художник достиг такой виртуозности исполнения, которая могла бы соблазнить его возможностью лёгкой жизни. К нашей радости, этого не произошло: честность и творческий дух не позволили ему отклониться от истинного пути. Великая вера, любовь, постоянный самоанализ, удивительная требовательность и к себе, и к друзьям и коллегам, неотступное следование критериям классического искусства сопровождали его на пути к зрелости и в напряжённой творческой работе. Всё это, пожалуй, ни в одном произведении не выражено столь мощно, как в рассматриваемом автопортрете. Здесь нет самолюбования; есть взгляд, направленный в собственный внутренний мир. Автопортрет как будто сгущает всю биографию автора, становясь программным произведением, выражающим его кредо. Драматизм достигает жестокой трагедии и превращается в своеобразный художественный документ нашей сложной эпохи, в монолог, обращённый к будущему. Он выражает мысли, сомнения и убеждения художника; маленький карандаш в мужественной и усталой руке становится оружием добра, силы, света и красоты -

оружием, творящим чудеса.

Любовь к человеку, сострадание, доброта, участие в судьбах окружающих всегда были присущи личности Хачатряна-художника. Творчество никогда не было для Хачатряна развлечением - независимо от того, рисует ли он десятиминутный набросок или создаёт работу на левкасе в течение тридцати долгих сеансов. К любви и истине он идёт через страдание, и нет для него большего счастья, чем творить, созидать.

Сила художника - в слиянии с природой, в способности, забыв собственное «я», стать её органической частицей; только тогда возможно создавать произведения, о поправках и проверках которых не приходится задумываться. Не глубокая ли гармония и искренность составляют содержание музыки Моцарта и лирики Пушкина, которые тоже в чём-то необъяснимы - как таинственный свет луны или свежесть раннего утра? Не в этом ли смысл бытия: уходя, оставить в природе новую природу, рождённую человеческой жизнью, волей и разумом?

Для Рудольфа Хачатряна движущая сила - постоянное самосовершенствование, повышение и усложнение собственных критериев. Каждый раз, посещая после некоторого перерыва московскую мастерскую художника, невольно спрашиваешь себя, что ещё возможно сделать, и с радостью замечаешь не только количественные, но и значительные качественные приращения. Происходит непрерывное движение к большему, упорное преодоление великих трудностей.

Обнажённое тело, которое своим совершенством и пластикой привлекало мастеров многих эпох, сегодня почти предано забвению. Лишь немногие художники нашего времени обращаются к этой теме. Пластика обнажённого тела волновала Хачатряна с детства. До сих пор поражает рисунок модели, выполненный им в пятнадцать лет. Кажется, будто это работа художника, прошедшего полный академический курс, между тем перед ним была первая в его жизни обнажённая модель. Восхищают изящество его многочисленных обнажённых моделей и пластика линий; художник безгранично любит их совершенством и гармонией. Грубая, животная игра мускулов чужда Хачатряну; он избегает излишне чувственных движений, модели прекрасны в своей неподвижности. Обострённая зрительная память и врождённая наблюдательность позволяют ему изображать даже мельчайшие нюансы.

[322] Вершиной этой темы стал «Странник» (1981). Это сложное произведение на левкасе потребовало длительного труда и огромного напряжения. Философские размышления замкнутого путника, оставшегося наедине с природой, убедительны своей выразительностью и силой. Ничто не отвлекает внимание: молодое, ещё сильное тело несёт состарившуюся от забот и мыслей, измученную, поседевшую голову; библейское лицо изборозжено морщинами, полуоткрытые глаза усталого человека полны печали и погружённости в себя. Произведение воздействует не необычным сюжетом и не литературно-театральным повествованием, а заразительной искренностью, силой духа, подлинным мастерством и правдой. Хачатрян полностью отвергает необычный сюжет и эффекты. Любая художественная концепция - новая или старая - реальна лишь тогда, когда вновь утверждает истину. В этом случае художник всегда остаётся новатором, поскольку каждое новое признание в любви к природе [323] отрицает манерность. Аналитическая разработка обнажённой модели у Хачатряна является результатом эмоционального проникновения: она освобождает его от традиционной манеры и, будучи его собственной, не

похожа на манеру любого другого художника.

Хачатрян избегает деформаций, преувеличения и нарочитости, стремясь точно и активно достичь пластической осязаемости. Всё в его творчестве подчинено активному, но не навязчивому истолкованию, которое не посягает на права природы. О силе, а не о слабости художника свидетельствует то, что он не стремится вступать в спор с природой, а старается постичь её в пределах своих возможностей. Цель художника - увидеть не только видимую часть айсберга, но и проникнуть в его сущность. Высокое техническое мастерство не превращает художника в приверженца техницизма, а лишь утверждает его позицию и позволяет самостоятельнее и убедительнее выражать [324] сокровенные чувства.

Вся серия работ на левкасе отделена от внешней рамы дополнительным картонным обрамлением. Ещё в графических работах художник часто применял этот приём. Нарисованная рама словно замыкала изображение, становясь неотделимой частью произведения. В работе «Окно» картонное обрамление выступает как оконная рама и становится органической частью изображения. Сам мотив подсказал такое решение. По жанру это соединение пейзажа и натюрморта, однако смысл произведения значительно глубже. «Окно мастерской. Утро» настолько же реально, насколько и нереально. Реальность заключена в самом изображении, в его материальности, но вся картина проникнута настроением далёкого и беззаботного детства, ощущением пробуждения после спокойного сна, когда хочется жить с новыми силами. В произведении есть и щемящая тоска, трогательная ностальгия по детству. Есть прямая связь с пейзажами прошлых лет, есть глубина, мудрость, зрелость и необыкновенная свежесть восприятия. Оконные занавески до конца раздвинуты, словно театральные занавес, и приглашают нас войти, чтобы увидеть театр жизни.

Здесь мы ещё раз убеждаемся в способности художника свести предметы, сами по себе не составляющие единого целого, в общую картину, связать их и превратить в цельную гармонию. Пейзаж, увиденный с разных точек зрения, объединён настолько убедительно, что правдивость произведения не вызывает сомнения. По нашему мнению, ни в одной другой работе присутствие автора не ощущается так сильно. Невидимый художник стоит здесь, у самого окна, и любит свежестью зелёной листвы. Это завершённое произведение, значение которого намного превосходит изображение вполне обыденного бытового мотива: окно с занавесками, обычные московские крыши с водосточными трубами и ничем не примечательные деревья. И всё же всё здесь необыкновенно тепло, приятно, притягательно. Каждая деталь, каждый лист тщательно изучены и переданы с глубокой чувственностью. Тишина, покой, размышление...

Коричневая сепия в руках мастера становится многоцветной палитрой, обретает всевозможные оттенки и полутона, превращается в чудо: ощущаются голубоватый цвет рыбы, золото луковицы, красновато-коричневая медь металлической чаши, зелень листвы. И это не иллюзия. Осязательные свойства различных предметов, сохраняя свою материальность, обретают единую стилизованную выразительность. Но когда единственный коричневый графит, скользящий по левкасу, создаёт то тёплые, то холодные оттенки, многоцветную гамму, не вызывая ни малейшей потребности в дополнительном цвете, изображение воспринимается уже не как графика, а как живопись нового качества.

В лучших произведениях Хачатряна присутствует безупречный вкус. Без высокого врождённого вкуса - как без музыкального слуха, тонкого ощущения цвета, линии и формы - никакое, даже самое основательное обучение ремеслу и никакой кропотливый труд не приведут к творческим вершинам.

Чтобы произведение излучало свет и согревало, это тепло должно исходить из души. В «Автопортрете», «Окне» и других художественных откровениях мастера в конечном счёте проявляется то же качество, которое было присуще работам восемнадцатилетнего юноши. Естественно, мастерство совершенствовалось, с возрастом пришли зрелость и мудрость, однако значение ранних работ не уменьшилось, поскольку именно от них начинается то положительное начало, которое сегодня растёт от произведения к произведению. Хачатрян беспощаден и к себе, и к модели, стремясь достичь максимума. Рассматривая работы художника, каждый раз поражаешься тому, что всё это осуществлено всего лишь небольшим кусочком графита. В этом есть нечто удивительное, непостижимое. При всей достоверности и верности модели изображение не является механическим. Художник стремится быть столь же искренним, как природа, тонко ощущая границу между жизнью и искусством.

Постоянное стремление Хачатряна к новым вершинам, неудовлетворённость уже достигнутым предвещают возможность дальнейшего совершенствования. «Я мечтаю работать до конца, исчерпать все свои возможности, не рассеивая их по разным произведениям, а сосредоточив в одном. Быть может, когда-нибудь мне это удастся».

[325] Творчество Рудольфа Хачатряна - это чистый воздух, который отрезвляет и напоминает о ценностях, о связи нашей эпохи с человеческой культурой и всеми её возвышенными периодами. Несомненно, у каждой эпохи своё дыхание, свои задачи самого разного рода, в том числе и художественные сверхзадачи. Человеческая культура не измеряется десятилетиями: она началась на заре цивилизации и должна восприниматься целостно, со всеми её взлётами и падениями, но мерилom всегда должны оставаться вершины.

Мы должны размышлять о наших современниках, отталкиваясь от прошлого, живя настоящим и устремляя взгляд в будущее. Существует ли нечто единое, истинное, абсолютное? Камертон? Но камертон ещё не мелодия и не музыка. «Истина одна, но она многолика». Таково и искусство. Многие ли из наших современников могут занять место рядом с классиками? Мы стремимся сделать художественные идеи минувших эпох и произведения старых мастеров достоянием современности, заставляя их служить нам. Но можем ли мы хотя бы мысленно совершить обратное - перенести нашего современника в глубины прошлого? Можем ли измерить его страдание и счастье? Вникая в творчество Рудольфа Хачатряна и сбрасывая с плеч чувство неполноценности, полагаю, можем. Мы не только восхищаемся результатами его творчества, но и всеми силами стремимся понять, как он достиг такого результата. Азбуку искусства он изучил самостоятельно. Уже разработанные методы и формы не привлекали художника. С детства он усвоил чрезвычайно ценный принцип: лучший учитель - природа, её сокровища неисчерпаемы и бесконечны. Он стремился не изменять её, а проникать в её глубину, понимать и через модель передавать собственные переживания. В этом - бесконечность материала и реализма, вечность искусства. У классиков следовало учиться искренности и нравственности, но никогда не повторять их, поскольку чужая истина неповторима: она уже существует, живёт собственной жизнью, и всякая попытка приобщиться к ней посредством повторения через дистанцию

веков приведёт лишь к напрасной трате времени. И всё же классическая живопись не давала Рудольфу покоя своей недостижимостью. Для этого требовались огромная энергия, честность и трудолюбие - и всем этим он был наделён. Каждый деятель искусства, независимо от избранной области, стремится вступить в контакт со зрителем; в конечном итоге всё лучшее, созданное в искусстве, принадлежит людям. В этом отношении Рудольфу Хачатряну особенно повезло. Своим творчеством он мгновенно очаровывает зрителя и переносит его в сложный мир своих размышлений. Он никогда не зависит от вкуса и прихотей заказчика; в работе для него не существует авторитетов. Он одновременно автор и режиссёр собственного представления. Хачатрян никогда не создаёт групповых портретов. По его мнению, соединять в одном произведении разные внутренние и внешние темпераменты невозможно и не нужно. Каждый человек настолько самодостаточен и полон эмоций, что постичь его до конца практически невозможно, а соединить несколько индивидуальностей - тем более. Как правило, портреты Хачатряна не сопровождаются ни предметным окружением, ни изображением среды.

Хачатряну чужды пафос, претенциозность и героизация образов, позёрство, противоречащее человеческой природе. Обострённая реальность, проникновение за пределы видимой черты, яркое воображение, нарушающее законы натуралистической фиксации зримого состояния, - качества его лучших работ на левкасе. Пристально исследуя мельчайшие подробности, художник не утрачивает чувства обобщения благодаря тональным решениям и чуткой линии. Он словно постоянно извлекает из левкаса свет, и потому его работы излучают блеск и торжественность. Одна из ценностей произведений Хачатряна - точная расстановка акцентов линий, тонов, света и тени.

Около сорока лет своей жизни художник посвятил искусству. На его творческом пути были страдание и радость, поражения и победы, но никогда не было мгновений инертности и равнодушия. Напряжённый, сложный труд и непрерывное самоутверждение - когда уже не требуется ничего никому доказывать и остаётся лишь одно главное желание: познать самого себя.

Rudolf Khachatryan (1937–2007)

Rudolf Khachatryan Digital Archive · rudolfart.com

Rudolf Khachatryan

This file was downloaded from:

<https://rudolfart.com/texts/RKh-Txt-0040?lang=ru>

Works by Rudolf Khachatryan © Heirs of Rudolf Khachatryan. Other texts, photographs and design © their respective authors. When using this material, please credit the source and link to the page above.

Рудольф Хачатрян (1937–2007)

Цифровой архив Рудольфа Хачатряна · rudolfart.com

Рудольф Хачатрян

Файл скачан со страницы:

<https://rudolfart.com/texts/RKh-Txt-0040?lang=ru>

Произведения Рудольфа Хачатряна © наследники Рудольфа Хачатряна. Остальные тексты, фотографии и оформление © их авторы. При использовании материала укажите источник и ссылку на эту страницу.